

УДК 94

**СОВРЕМЕННАЯ НЕМЕЦКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ О МЕХАНИЗМЕ КОНТРОЛЯ И ПОДАВЛЕНИЯ
НАЦИСТСКОГО ГОСУДАРСТВА: ГЕСТАПО И КОНЦЕНТРАЦИОННЫЕ ЛАГЕРЯ**

Л. Н. Корнева

**MODERN GERMAN HISTORIOGRAPHY ON THE MECHANISM FOR CONTROL AND SUPPRESSION
OF THE NAZI STATE: GESTAPO AND NAZI CONCENTRATION CAMPS**

L. N. Korneva

В статье освещается процесс развёртывания в 90-е гг. XX века работы немецких историков в области анализа репрессивных структур Третьего рейха на основе освоения региональных и европейских источников. Анализируются основные направления и методика исследований. Дается оценка новизны проведённой работы, значение исследований для науки и общества.

The paper describes the process of the 1990s deployment of German historians' works to analyse the repressive structures of the Third Reich on the basis of regional and European sources. The major trends and research methodology are analyzed in the paper. The novelty of the research and its value for the science and the society are assessed.

Ключевые слова: нацизм, гестапо, концентрационные лагеря, немецкая историография, механизм подавления и контроля.

Keywords: Nazism, Gestapo, Nazi concentration camps, German historiography, mechanism of suppression and control.

Современная немецкая историография накопила к настоящему времени большой опыт исследования структуры тоталитарного нацистского государства. В системе контроля за населением и подавления деятельности политических и расовых противников большую роль играли такие организации, как гестапо (тайная полиция) и система концентрационных лагерей. Задачей настоящей статьи является освещение процесса развёртывания работы немецких историков в этом направлении, анализ результатов исследования, оценка их новизны и значения для науки и общества.

Хотя гестапо считалось одним из центральных органов репрессивного аппарата, так произошло, что его архивы стали доступны историкам для всестороннего и глубокого изучения только спустя 50 лет после окончания Второй мировой войны. Большую роль сыграло открытие архивов бывшей ГДР и Восточной Европы. Большое значение для оценки роли гестапо в укреплении нацистской власти имели работы по региональной истории национал-социализма, позволявшие анализировать деятельность гестапо на местах и проследить связи с центром. Например, результаты исследования террористического аппарата на земельном уровне (Саара, Нижней Саксонии, Бранденбурга и других областей) методологически разнообразно представлены в работе «Террор: Господство и повседневность в период национал-социализма» [22]. В этой работе сделана попытка преодолеть различие методологических подходов к изучению организации нацистского террора с точки зрения социально-критического метода и методик истории повседневности.

В разделе, посвящённом социальной истории на региональном уровне прослеживается процесс формирования местных отделений гестапо, их количественный состав, степень профессионализма сотрудников гестапо, их социальный профиль, а

также методы работы. Оценивая место и роль гестапо в системе террора в Саарской области (преимущественно промышленной, пролетарской, католической и с сильными позициями социал-демократов и коммунистов), Герхард Пауль поставил вопрос о необходимости ревизии широко распространённого мнения о «всепроникающем оке» и силе нацистской тайной полиции в немецком обществе – как центрального органа «государства чрезвычайных мероприятий».

Приводя различного рода статистические данные, документы и другие материалы, Пауль приходит к следующим заключениям: во-первых, аппарат гестапо был малочислен; во-вторых, канцелярщина и рутинность преобладали в большей части работы гестапо (исключение – выезды сотрудников в оккупированные области); в-третьих, выяснилось, что большинство сотрудников гестапо – не столько нацисты, сколько бывшие служащие полицейского аппарата властных структур Веймарской республики. Членами нацистской партии были не более 50 % сотрудников гестапо [22, с. 18 – 20; 49 – 59].

Сила гестапо, по мнению историка, заключалась не в методах его работы, а в готовности и желании сотрудничества с ним органов «нормального буржуазного государства» (полиции, армии, министерств), а также нацистских организаций – партийных и примыкавших к ней других общественных объединений. Разбирая дела гестапо земли Саар, Пауль пришёл к выводу, что основную роль в поимке «противников режима» выполняли доносы «простых фольксгеноссе», а именно, они «стучали» на соседей, сослуживцев, родственников, случайных знакомых и т. п. Розыскные мероприятия гестапо по количеству поимок уступали непрофессионалам. Так, например, 87,5 % случаев по «скрытой злобе», «коварству» (против государства) – результат доноса «простых граждан», и не только

по идеолого-политическим мотивам, но и по другим причинам [22, s. 53].

Следует отметить, что одной из первых работ по анализу малоизученной системы доносов и сотрудничеству гестапо с населением явилась книга Г. Дивальд-Керкманн о «маленькой силе фольксгеноссен («друзей народа»)». Опираясь на архивные материалы и дела «добровольных помощников» гестапо, историк сделала выводы, что в целом это явление не носило массового характера, но было одним из важнейших направлений в деятельности террористических служб. Материалы гестапо свидетельствуют о достаточно широком восприятии массой населения нацистских расовых и националистических идей. Автор убедительно показала, что доноительство усиливалось в критические периоды существования нацистского режима, связанные с фазами внутри- или внешнеполитических угроз [8, s. 138, 172].

Работа по истории гестапо развернулась благодаря активным и целеустремлённым действиям названного выше историка Герхарда Пауля, а также Клауса-Михаэля Мальмана. Они поставили задачу изучить не только и не столько структурные аспекты одного из важных механизмов нацистского господства, сколько исследовать вопрос о взаимоотношении тайной полиции и общества. Первые результаты интенсивного изучения этой темы были доложены в 1995 г. на специальной конференции, посвящённой деятельности этого репрессивного органа, а следом вышла книга «Гестапо: миф и реальность» [14]. В ней исследуются различные аспекты организации и деятельности гестапо. Поднимается вопрос о контингенте гестапо и полиции Веймарской республики (К. Граф). Рассматривается установление службы гестапо в регионах и городах (в Берлине, Гамбурге, Потсдаме и др.) [14, s. 73 – 84; 85 – 178]. На примерах деятельности тайной полиции в отдельных регионах анализируется её роль в преследовании в Третьем рейхе «врагов народа»: например, выслеживание деятелей подпольной антифашистской «Красной капеллы», депортация евреев и др. Специально выделен вопрос о сотрудниках, помощниках и партнёрах гестапо, анализируются побудительные мотивы сотрудничества с гестапо добровольных «помощников» из народа [14, s. 268 – 305].

Заключительной работой исследовательского проекта о тайной полиции нацистской Германии стала книга «Гестапо во Второй мировой войне. «Отечественный фронт» и оккупированная Европа» [15]. Эта работа – плод международного сотрудничества немецких учёных с представителями других европейских стран. В 27 статьях книги освещается деятельность гестапо как на «внутреннем фронте», так и в оккупированной Европе. Большое внимание уделено участию гестапо в преследовании евреев и Холокосте (статьи Бершеля, Шмидта).

В материалах компендиума анализируются организация и структура гестапо, РСХА, персонал, методы принятия решений (статьи Вильдта, Банаха, Пауля). Другой блок статей посвящён деятельности крупных центров гестапо во Франции, Нидерлан-

дах, Италии (Кастен, Меерсхоек, Клинкхаммер), а также в «новых» областях рейха, возникших на остатках Чехословакии и Польши (Мальман, Сладек, Фордровиц). В ряде статей исследуются также «новые» для периода войны структуры террора, такие как «Отделы по работе с евреями» и «айнзац-группы» (специальные подразделения борьбы с партизанами). Освещается деятельность гестапо на заключительном этапе войны и, наконец, развал всей системы службы безопасности.

В центре внимания авторов – формирование новых методов работы, а также подразделений гестапо и службы безопасности в свете задач начавшейся войны. В этих работах показано, что к прежним целям выявления противников режима добавились слежка за принудительными рабочими, создание «трудовых лагерей по перевоспитанию» в духе нацизма, осуществление репрессий в отдельных частях оккупированной Европы. Проведён анализ формирования крупных отделений гестапо на центральном и региональном уровне (Штанг, Ангрик и др.). Преступления этих органов обрели конкретные имена и лица. Выявилось, что число лиц, причастных к преступлениям, а также и число жертв было значительно больше, чем было принято считать раньше в историографии и в общественном мнении ФРГ.

Выяснилось также, что действия «снизу» носили более сложный характер, чем просто «выполнение приказа». Было много инициативы «снизу» и доносов «добровольцев» из немецкого народа. Анализ действий режима в разных частях оккупированной Европы показал, что без достаточно широкого коллаборационизма со стороны сохранившихся местных структур полиции, доноительства со стороны части граждан оккупированной Европы было бы невозможно налаживание столь чёткого механизма преследования и убийства «врагов» рейха. Глубокое и всестороннее исследование темы тайной полиции нацистского государства способствовало, по мнению П. Штайнбаха, «демистификации» и освобождению от «демонизации» гестапо, характерных для общественного восприятия этой структуры...» [15, s. XI]. В ходе исследования этой большой темы стало ясно, что обозначение гестапо только как института, который был важнейшим инструментом государственного давления на общество, стало уже недостаточным. В своих работах авторы показали, как часть общественных институтов или граждан использовали гестапо в своих корпоративных или личных интересах. В результате стали более чётко видны механизмы тоталитарного господства нацистов.

Особое место в изучении нацистских институтов преследования и террора занимает тема создания и функционирования системы концентрационных лагерей. Следует отметить, что существование лагерей в Германии после 1933 г. не являлось какой-либо тайной. На начальной стадии диктатуры об этом писали нацистские газеты, скрывая, конечно, что в этих лагерях происходило на самом деле. Но уже тогда в общественном сознании аббревиатура КЦ стала наводить страх и ужас. После войны,

когда вскрылись масштабы преступлений нацистов в КЦ и прошли первые процессы против служащих лагерей, концентрационные лагеря стали олицетворением преступного характера нацистской власти.

Несмотря на это, «в первые послевоенные годы немецкие историки почти не интересовались данной темой. Это было связано, как с кажущейся невозможностью постижения случившегося, так и с тем, что трудно было найти какую-либо ценность в исследовании лагерей, исходя из традиционных ценностей историзма, которые тогда проповедовало большинство историков» [11, s. 19]. Поэтому достаточно длительное время историю КЦ писали не историки, а бывшие заключённые концлагерей. Среди них наибольшую известность и научную значимость обрела работа бывшего заключённого Бухенвальда Ойгена Когана «Государство СС» [13].

Его книга сформировала в общественном мнении тогдашней Германии образ концлагеря: внутренняя жизнь лагеря, всемогущие охранники, иерархия среди заключённых, роль «капо» (надзиратель в КЦ) и заключённых-функционеров, принудительные работы, голод и смерть. Другие воспоминания во многом следовали этому образцу. Более или менее систематически учёные ФРГ стали заниматься концентрационными лагерями с середины 60-х гг., и толчком к этому послужил так называемый Франкфуртский процесс по Освенциму, проходивший в декабре 1963 г. против членов охранных команд КЦ. Из подготовленных для этого процесса документов возникли первые основательные работы по системе КЦ, но дальнейшего развития эта тема не получила и только к середине 80-х гг. в ФРГ пробудился настоящий научный интерес к истории концентрационных лагерей. Это произошло по ряду причин: и обстановки общественной дискуссии об итогах Второй мировой войны, и спора вокруг исторического места нацистского режима, и прихода нового поколения историков. Большую роль сыграли также результаты многочисленных и многоуровневых исследований нацистского режима и его преступлений не только немецкими историками, но и в зарубежной историографии. В этот период был дан ход различным формам международной кооперации в изучении периода Второй мировой войны, оккупационного режима, и в том числе системы концентрационных лагерей.

К этому времени выявилось, что по сравнению с другими сюжетами истории нацизма история лагерей содержит много белых пятен: было неизвестно общее число заключённых, а также – погибших в лагерях. В ФРГ отсутствовали солидные монографии по крупным КЦ, таким как Дахау, Заксенхаузен, Бухенвальд, Равенсбрюк, Флоссенбург и др. В связи с этим было затруднено создание глубоко фундированного обобщающего исследования по системе КЦ.

Только в 1993 г. вышла подобная работа, которая принадлежала, однако, не историку, а социологу Вольфгангу Зофски, – «Порядок террора» [18]. Работа Зофски представляет собой социологический анализ феномена «абсолюта власти», который покоился, как писал автор, на насилии, организо-

ванном терроре и убийстве. С этой позиции автор рассматривал в своей работе различные ситуации лагерной жизни: голод, работу, расстрелы, штрафы и т. п. Учёный создал некий идеально-типический образ нацистского лагеря – без определённого места, времени, индивидуальности. Нельзя, например, было сказать, идёт ли речь о лагере 1935 или 1944 года. Но работа Зофски дала всё-таки импульс конкретным историческим исследованиям в этом направлении, которые стали рассматривать нацистские лагеря с точки зрения их развития, изменения функции, в конкретных местах и в установленный период – конкретную практику деятельности лагерей (лагерное бытие).

К настоящему времени в Германии, как и в других странах, изданы многочисленные серьёзные работы по истории концентрационных лагерей, которые дают возможность воссоздать многомерную картину их создания, функционирования и разрушения. К ним относятся, например, обобщающие исследования системы КЦ К. Дробиша и Г. Виланда [9], В. Виппермана [12; 17; 19]. Много работ написано и по отдельным крупным и малым лагерям: Нойенгамме, Дахау, Бухенвальде и другим [14]. Заметным в работах стало стремление исследовать влияние существования КЦ на близлежащие города и округу. Исследуя эти связи, историки показывают, что, по крайней мере, в самой Германии они были довольно тесными: в экономической области, в управлении и обслуживании, в доставке заключённых. Местные жители в целом были информированы о сути происходящего в близлежащем лагере. Поэтому было бы неправомерно говорить о незнании населения об этих фактах, хотя масштабы преступлений тщательно скрывались нацистами. Исследуется также значение лагерей для военного хозяйства Германии, взаимосвязь экономических субъектов и служб СС, показываются тесные контакты предпринимателей с партией. Эти темы хорошо освещены на примере контактов «Кружка друзей Гимmlера» (*фонд пожертвований предпринимателей в пользу НСДАП и СС. – Л. К.*) со службами одного из КЦ под Марбургом. Авторы пишут, что в результате этих тесных контактов создалась «хозяйственно и политически мотивированная элитная сеть», где осуществлялись непринуждённые контакты между ведущими промышленниками, банкирами и представителями СС [4, s. 50].

Периодически издающиеся под редакцией известных историков сборники статей на различные темы национал-социализма касаются и проблем истории КЦ. Примером такого рода служат материалы сборника большого международного симпозиума, проходившего в 1995 г. в связи с 50-летием окончания войны [5, s. 56]. Материалы этого сборника представляют палитру исследований этого вопроса, выявляют степень его изученности как в немецкой, так и в зарубежной историографии. В книге, наряду с маститыми, представлены авторы нового поколения историков Германии, других европейских стран, а также США. Многие статьи и доклады содержат определённые импульсы к дальнейшему исследованию проблематики нацистских

лагерей. Материалы книги учитывают динамику развития лагерной системы в течение всего периода нацистской диктатуры, а также изменения их функций в связи с началом мировой войны. В этом объёмном двухтомном труде нашли отражение различные проблемы лагерной системы. Так, широко представлена ранняя стадия развития лагерей – от 1933 до 1936 – 1937 гг., когда шло оформление системы КЦ от «диких» лагерей к созданию специальной «инспекции КЦ» и перехода их в подчинение службы СС.

Рассматривая планирование и фактическую деятельность лагерей в 1934 – 1938 гг., Тухель приходит к выводу о том, что:

1. Численность заключённых в стране зависела от политической обстановки: уменьшение числа узников могло происходить под влиянием стабилизации экономического положения, амнистии, внешнеполитических обстоятельств. Но в целом имел место постоянный рост числа заключённых, особенно после антисемитских погромов и с началом политической и военной экспансии.

2. Лагеря этого периода, по мнению автора, ещё нельзя трактовать как места массовых убийств. Лагерь в это время был местом убийства отдельных, прежде всего видных общественных деятелей. Сначала это место для политических противников, затем – для «чуждых» в расовом отношении «народному сообществу» элементов. С 1938 г. – как средство давления на евреев и побуждение их к эмиграции.

3. В это же время СС начинает разрабатывать экономические планы по использованию труда заключённых. Тухель делает важное замечание о воздействии КЦ, которое было направлено не только против их узников, но и в целом против немецкого народа. Своему народу нацистский режим давал понять, что в Германии отныне возможно в любое время быть брошенным в лагерь без суда и следствия. «Лагеря в период 1934 – 1939 гг. стали инструментом как «рациональной» (перевоспитание политических противников, умерщвление «нежизнеспособных»), так и целенаправленной внутренней политикой Германии (запугивание населения)», – пишет автор [5, s. 57].

У. Херберт уточняет юридические основы и практические действия государства и СС по превращению лагерей в этот период в места превентивного заключения «криминально-биологических» элементов. Он пишет, что в связи с этим охранная деятельность полиции и СС с 1936 г. постепенно смещалась из области борьбы с политическими противниками в область борьбы с нежелательными социальными и «общественно-опасными биологическими» элементами. Уже к ноябрю 1938 г. политические заключённые составляли не более 1 – 3 % заключённых, то есть меньшинство. В связи с этим он подчёркивает феноменологию новых функций немецкой полиции, аналогии которым нельзя найти в других диктатурах. У этих функций «нет исторического прообраза», – пишет он [10, s. 81].

Такую оценку тенденций в развитии лагерной системы с 1934 г. и до начала 1939 г. разделяют и

другие авторы. И её довольно трудно опровергнуть, так как цифры говорят сами за себя. Но и полностью принять её не представляется возможным. На наш взгляд, функции КЦ как места подавления и политических, и расовых противников не были отделены друг от друга стеной, тем более что антикоммунизм и антисемитизм были главными составляющими чертами нацистской идеологии. Они часто смешивались. Другое дело, что в определённые периоды преобладала та или иная функция. Такое суждение поддерживает и часть молодых немецких историков (Фальк Пингель, например) [16, s. 155].

Другая важная проблема – развитие и изменение функций некоторых основных лагерей внутри рейха до конца войны. Здесь основное внимание уделено менее изученным лагерным комплексам, но которые претерпели с течением времени всю гамму лагерных изменений и нарастание их преступных деяний. Вайсброт видит «функциональный поворот» лагерной системы во время войны не в характере его деятельности, а в том, что во время войны оформился новый тип лагеря с новым качеством сконцентрированного в нём общества. Это уже был «лагерь-город» – в противоположность существовавшему ранее «лагерю-деревне». Произошёл «взрыв лагерного феномена», в котором ускорилась «переработка» людей и всё больше возрастало число жертв. «В этом суть описанного «функционального поворота», – утверждает автор [23, s. 359].

Отдельная тема изучения вопроса о лагерях – это история лагерей на Востоке (оккупированные немцами части Восточной Европы, в основном Польши и Советского Союза). В этом разделе книги также нашли отражение вопросы функционирования не очень известных лагерей, особенно на оккупированной территории бывшего СССР (например, в Литве). Авторы показывают, что было бы ошибочно переносить знания о лагерях в рейхе на лагеря, расположенные на Востоке. Здесь они были не только более тесно увязаны с политикой геноцида, но отличались и по внутренней структуре, и по степени относительной самостоятельности лагерной администрации от «имперских лагерей». М. Вильдт подчёркивает, что КЦ на «Востоке» отличались, прежде всего, «убийственным качеством террора», и система лагерей там должна более всего изучаться в своём собственном измерении. Особенностью лагерей в восточных областях было то, что во взаимодействие с ними было вовлечено гораздо больше организаций, чем с «имперскими лагерями». «СС на Востоке были, конечно, могущественной, но только одной из инстанций среди многих нацистских оккупационных учреждений, заинтересованных в лагерях... Кроме того, региональные власти КЦ были автономны в своих действиях в области применения террора, принудительных работ и силе подавления, особенно с 1943 г. «Простор» в этих действиях был несравним с положением в лагерях рейха... Картина бюрократически отработанной и анонимной машины в деле уничтожения людей, которая преобладает в историографии, не совсем верна. Выступает вперёд значение региональных властей,

их «инициатива», их дикость, коррупция, персональное рвение», – пишет Вильдт [23, s. 520].

Использование труда заключённых КЦ – другая важная проблема истории лагерей. В последнее десятилетие XX – начала XXI века этот вопрос особенно активно стал прорабатываться историками других стран [1; 2]. Многие статьи на эту тему содержат подробные сведения о состоянии и степени экономической выгоды подневольного труда, об условиях содержания заключённых.

Действия исполнителей – комендантов, членов комендатуры и штабов лагерей, охранных команд и команд убийц – всё это тоже привлекает внимание историков и рассматривается в специальном разделе компендиума по истории КЦ. Эта тема вышла на острие исследований в связи с постановкой вопроса взаимосвязи между «жертвами и палачами», «палачами и жертвами». Авторы работ – Орт, Шварц, Грабе – при исследовании данной проблематики широко применяют междисциплинарный подход, используя средства психоанализа, социологии. Они поднимают вопросы ментальности, гендерных отношений, без которых картина действий исполнителей и их жертв была бы неполной [6, s. 755 – 840].

Тема взаимоотношений между самими заключёнными тоже стала предметом пристального внимания учёных в последние годы. Она является сравнительно новой для историографии, так как ранее она освещалась преимущественно бывшими узниками КЦ и была не свободна от односторонности. Новые методики исследований дают возможность разнообразить палитру, уточнить многие детали, поставить новые вопросы и опровергнуть некоторые стереотипы. Здесь дискутируются такие вопросы, как наличие определённых групп заключённых, их взаимоотношения между собой, а также взаимоотношения заключённых и персонала СС. По количеству статей – это самый большой раздел двухтомника [24, s. 841 – 1005]. Вновь обострилась дискуссия о роли заключённых – «функционеров», занимавших некоторые низшие должности в лагерной администрации – старосты бараков, «капо», санитары и т. п. – кто они: защитники узников или пособники палачей? Такие исследования стали возможны ещё и в связи с многочисленными публикациями в 90-е гг. старых и «новых» («заключительных») воспоминаний оставшихся в живых узников лагерей – как части сходящего с исторической сцены поколения свидетелей и жертв эпохи фашизма и войны.

Особое внимание обращается на так называемые «марши смерти» узников при расформировании или переносе лагерей в конце 1944 – начале 1945 гг. В некоторых из них большинство заключённых погибло в последние 2 – 3 месяца войны. «Марши смерти» раскрывают масштабы бессмысленных и ужасных деяний эсэсовцев в последние месяцы и недели войны [3, s. 1063 – 1140; 20; 8].

Темы и проблемы, анализируемые учёными, показывают, что многие, кажущиеся уже решёнными проблемы всплывают вновь и требуют более глубокого и всестороннего осмысления. Исследо-

вание многих отдельных лагерей носит фундаментальный характер, а следовательно, предоставляет возможности для сравнения и последующего создания синтетического труда о КЦ нацистского режима с точки зрения универсального и антропологического измерения.

Резюме

Развёртывание работы немецких историков в направлении более глубокого и всестороннего изучения репрессивного аппарата нацистской Германии на примере гестапо и системы концентрационных лагерей происходило с середины 90-х годов XX века по мере освоения региональных архивов, а также открывавшихся архивов стран Восточной Европы. В ходе изучения гестапо был установлен кадровый континуитет полицейских органов Веймарской республики и тайной полиции нацистского государства. Была пересмотрена точка зрения о гестапо как самодостаточной организации и установлено, что сила тайной полиции базировалась по большей части на поддержке «народных добровольцев» и членов государственно-партийных и общественных организаций.

Что касается истории концентрационных лагерей, то произошёл прорыв в изучении внутренней жизни концентрационных лагерей Германии с помощью постмодернистских методов исследования (психофизических связей жертв и палачей, гендерных исследований, психосоциальных отношений между заключёнными и т. п.). Усилено внимание к взаимосвязи лагеря и окружающих его городов и прилегающей местности.

Новые подходы к истории репрессивных органов стали возможны не только по причине расширения источников, но и благодаря и таким обстоятельствам:

- 1) непредвзятый взгляд нового поколения историков;
- 2) «уход» свидетелей времён нацистского господства, когда:
 - а) интересы сопричастных лиц;
 - б) соображения корпоративной солидарности перестают влиять на исторические исследования.

Исследование велось преимущественно силами представителей нового поколения историков, вступивших на научное поприще в конце 80-х – начале 90-х годов XX столетия.

Значение работ по репрессивным органам нацистского государства представляется важным для сравнительного исследования *прошлых и современных* диктатур, границ общего и особенного между ними, влияния отношений между «центром» и «регионами». Комплекс работ о гестапо и концентрационных лагерях ярко подтверждает тезис о том, что проблема «ухода нацизма в прошлое» совсем не означает придания ему некоей «безобидности». Более того, изучение деятельности репрессивных органов Третьего рейха в комплексе исторических, политических и социальных связей делает понятным силу одного из важных факторов тоталитарной власти.

Литература

1. Ерин М. Е. Советские военнопленные в нацистской Германии. 1941 – 1945 гг. Проблемы исследования Ярославль, 2005.
2. Полян П. М. Жертвы двух диктатур: Остарбайтеры и военнопленные в Третьем Рейхе и их репатриация. М., 1996.
3. Blatman D. Die Todesmärsche – Entscheidungsträger, Mörder und Opfer // Die nationalsozialistische Konzentrationslager: Entwicklung und Struktur / Hrsg. Von Christoph Dieckmann... Göttingen: Wallstein – Verl., 1998.
4. Bütov T., Bindernagel F. Ein KZ in der Nachbarschaft. Köln–Weimar, 2003.
5. Die nationalsozialistische Konzentrationslager: Entwicklung und Struktur / Hrsg. Von Christoph Dieckmann... Göttingen: Wallstein – Verl., 1998. Bd. 1.
6. Die nationalsozialistischen Konzentrationslager. Entwicklung und Struktur. Sektion 5. Die Täter.
7. Die nationalsozialistischen Konzentrationslager. Entwicklung und Struktur. Sektion 6. Häftlinge und Häftlingsgruppen im Lager.
8. Diewald-Kerkmann G. Politische Denunziation im NS-Regime oder die kleine Macht der „Volksgenossen“. Berlin, 1992.
9. Drobisch K., Wieland G. System der NS-Konzentrationslager 1933–1939. Berlin, 1993. 371 s.
10. Herbert U. Von der Gegnerbekämpfung zur „rassischen Generalprevention“ // Die nationalsozialistische Konzentrationslager: Entwicklung und Struktur / Hrsg. Von Christoph Dieckmann... Göttingen: Wallstein – Verl., 1998.
11. Herbert U., Orth K., Dieckmann Ch. Das nationalsozialistische Lager. Geschichte, Erinnerung, Forschung // Die nationalsozialistischen Konzentrationslager: Entwicklung und Struktur / Hrsg. Von Christoph Dieckmann... Göttingen: Wallstein – Verl., 1998.
12. Kaienburg H. Das Konzentrationslager Neuengamme 1938 – 1945. Bonn, 1997. 368 s.
13. Kogon E. Der SS-Staat. Das System der deutschen Konzentrationslager. München, 1946.
14. Paul G., Mallmann K.-M. (Hrsg.) Die Gestapo. Mythos und Realität. Darmstadt, 1995.
15. Paul G., Mallmann K.-M. (Hrsg.) Die Gestapo im Zweiten Weltkrieg: „Heimatfront“ und besetztes Europa. Darmstadt, 2000.
16. Pingel F. Kommentierenden Bemerkungen // Die nationalsozialistische Konzentrationslager: Entwicklung und Struktur / Hrsg. Von Christoph Dieckmann... Göttingen: Wallstein – Verl., 1998.
17. Schley J. Nachbar Buchenwald. Die Stadt Weimar und ihr Konzentrationslager 1937 – 1945. Köln, 1999. 196 s.
18. Sofsky W. Die Ordnung des Terrors. Das Konzentrationslager. Frankfurt, 1993. 390 s.
19. Steinbacher S. Dachau. Die Stadt und das Konzentrationslager in der NS-Zeit. Die Untersuchung einer Nachbarschaft. Frankfurt am Main, 1994. 289 s.
20. Sprenger I. Das KZ Großrosen in der letzten Kriegsphase // Die nationalsozialistische Konzentrationslager: Entwicklung und Struktur / Hrsg. Von Christoph Dieckmann... Göttingen: Wallstein – Verl., 1998.
21. Stzelecki A. Der Todesmarsch der Häftlinge aus dem KL Auschwitz u. a. // Die nationalsozialistische Konzentrationslager: Entwicklung und Struktur / Hrsg. Von Christoph Dieckmann... Göttingen: Wallstein – Verl., 1998.
22. Terror, Herrschaft und Alltag im Nationalsozialismus: Probleme einer Sozialgeschichte des deutschen Faschismus. Röhr W.; Berlekamp B. (Hrsg.). Münster, 1995. 346 s.
23. Weißbrot, B. Kommentierende Bemerkungen / B. Weißbrot // Die nationalsozialistische Konzentrationslager: Entwicklung und Struktur / Hrsg. Von Christoph Dieckmann... Göttingen: Wallstein – Verl., 1998.
24. Wippermann W. Konzentrationslager. Geschichte, Nachgeschichte, Gedenken. Berlin, 1999. 175 s.

Информация об авторе:

Корнева Лидия Николаевна – доктор исторических наук, профессор кафедры новой, новейшей истории и международных отношений КемГУ, korneva_21@mail.ru.

Korneva Lydia Nikolaevna – doctor of history, Professor of the new, modern history and international relations Kemerovo State University.

Статья поступила в редколлегию 31.07.2014 г.